

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОБСТВЕННОСТИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ СИНТЕЗ?

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию института собственности. Делается акцент на важности делиберативного процесса во взаимодействии различных научных школ в рамках современной институциональной экономической теории. Анализируются теоретические концепты старого институционализма и новой институциональной экономики применительно к институту собственности. Выделяются основные теоретические инструменты анализа в рамках каждого из научных направлений. В статье обозначены основные современные проблемы при исследовании института собственности.

Ключевые слова: институциональная экономика; собственность; институт собственности; старая институциональная экономическая теория; неoinституционализм; государственная экономическая политика.

IS IT POSSIBLE TO SYNTHESIZE VARIOUS INSTITUTIONAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF PROPERTY?

V.V. VOLCHIK,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru

Manifold approaches to the analysis of the institution of property are considered in the article. We, in particular, stress the deliberative nature of the process of various schools interaction in the framework of modern institutional economic theory. The theoretical concepts of Old Institutionalism and New Institutional Economics applied to the institution of property have been analyzed. We have likewise exposed the primary theoretical instruments of the analysis. The major contemporary problems concerned with the institution of property are posed in the article.

Key words: institutional economics; property; the institution of property; old institutional economic theory; neo-institutionalism; government economic policy.

JEL classification: B15, B25, B52, P14.

Собственность как экономический феномен имеет ключевое значение для многих направлений экономической науки. Если в неоклассике почти любые неэффективности объясняются проблемой монополии или рыночной власти, то в институциональной экономике неэффективность обычно

ассоциируется с институтом собственности. Экономическая наука иногда напоминает терпящий бедствие корабль, где в экстренном порядке наглухо задраены переборки между отсеками – различными научными направлениями.

В данной статье последовательно рассматриваются несколько научных подходов к анализу феномена собственности. Теории, релевантно объясняющие сложный и меняющийся мир хозяйственных порядков, должны сосуществовать в ходе делиберативных процессов в самой экономической науке (*Вольчик, 2013*); поэтому настоящая статья направлена на поддержание дискуссии между различными течениями в институциональной экономической теории.

Философские подходы к исследованию собственности

Категория собственности имеет множество трактовок и значений в научной литературе. Можно выделить, по крайней мере, четыре области знания, которые оперируют данным понятием – экономика, право, философия и социология. Возникший в XX в. в социальных науках экономический империализм способствует тому, что экономисты в настоящее время занимают лидирующие позиции в теоретическом исследовании собственности. Однако оторванность современной экономической теории от реального положения дел в тех или хозяйственных порядках делает значительное количество таких исследований схоластическими.

Собственность возникла только тогда, когда человек своим трудом выделил из общего количества неэкономических природных благ предметы, необходимые ему для жизнедеятельности. Выделение собственности, принадлежащей конкретному индивиду, имело прогрессивный характер. «Мы видим в случаях общего владения, ... что именно изъятие части того, что является общим, и извлечение его из состояния, в котором его оставила природа, кладут начало собственности», – писал Д. Локк (*Локк, 1988. С. 278*). На начальной стадии своего существования собственность имела форму индивидуальной частной собственности. Первоначально объектом собственности служили блага первого порядка (предметы потребления), но в дальнейшем главным предметом собственности стали блага высшего порядка (средства производства). Размеры такой собственности были обусловлены характером процесса производства: «Участок земли, имеющий такие размеры, что один человек может вспахать, засеять, удобрить, возделывать его и потребить его продукт, составляет собственность этого человека. Человек как бы отгораживает его своим трудом от общего достояния» (*Локк, 1988. С. 279*). В дальнейшем, благодаря труду и бережливости, размеры собственности и продукт, который приносит ее использование, стали превышать индивидуальные потребности. Это, по мнению Локка, привело к возникновению денег, накопления и расширению обмена: «...Люди согласились на непропорциональное и неравное владение землей, обнаружив благодаря молчаливому и добровольному согласию способ, посредством которого человек может честно иметь гораздо большее количество земли, нежели то, с которого он может использовать продукт; он состоит в том, чтобы получать в обмен на свои излишки золото и серебро, которые можно накапливать без ущерба для кого-либо» (*Локк, 1988. С. 290*).

Дальнейшее развитие форм собственности в философской литературе часто связывается с проблемой справедливости. Многие ученые, как экономисты, так и философы, рассматривали проблему распределения собственности в обществе неразрывно с проблемой справедливости. Этическая проблема справедливости, когда она рассматривается в связи с вопросом об эффективности и даже самой возможностью существования частной собственности, часто не имеет удовлетворительного решения.

Часто под справедливостью понимают соответствие усилий полученному результату (*Жувель, 1995. С. 42*). Но для анализа института собственности такое понимание справедливости вряд ли подходит. Обоснование такой точки зрения находим у Д. Юма: «Отношение соответствия, или пригодности, никогда не следует принимать во внимание при распределении собственности среди людей; мы должны руководствоваться при этом правилами, более общими по способу применения и более свободными от сомнений и недостоверности. Такими правилами являются при первоначальном установлении общества наличное владение, а впоследствии – захват, давность, приращение и наследование» (*Юм, 1995. С. 280*). Справедливое установление прав собственности в обществе гарантирует его стабильность. Поэтому институт собственности должен отвечать двум условиям: 1) постоянности и стабильности владения; 2) передачи собственности только при согласии на это ее владельца. «Все это потребует взаимного обмена и торговых соглашений; поэтому передача собственности посредством согласия точно так же имеет своим основанием естественный закон, как и стабильность ее при отсутствии подобного согласия» (*Юм, 1995. С. 281*).

Большое значение исследованию капиталистической частной собственности отводится в марксистской философии и политической экономии. Безусловно, категория частной собственности отражает экономическую действительность классического капиталистического способа производства, но экономические системы не являются статическими, они подвержены эволюционным и, иногда, революционным изменениям. Карл Маркс предлагал следующий вариант трансформации частной собственности: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» (Маркс, 1955–1981. С. 706). Историки экономической мысли иногда называют Маркса первым институционалистом. Действительно, приведенная цитата подтверждает этот тезис. «Достижения капиталистической эры» в современной терминологии представляют собой систему экономических и социальных институтов, определяющих условия функционирования экономических систем.

Старый институционализм

Исследования института собственности занимают значительное место среди современных работ по экономической теории. В настоящее время сложилась явная асимметрия в сторону неинституционального подхода, который доминирует в современном институционализме. Теория прав собственности хорошо разработана и обладает обширным и разнообразным инструментарием. Однако, для понимания эволюции института собственности теории старых институционалистов могут быть не менее полезны. «Последователям старой школы институционального анализа удалось существенно скорректировать парадигму экономического анализа в части пересмотра исходных допущений» (Сухарев, 2013. С. 6). Ими были отвергнуты неправдоподобные допущения неоклассической экономической теории, в частности, предпосылка совершенной рациональности поведения людей. Взамен этого старые институционалисты признавали влияние институтов на цели деятельности индивидов.

Первоначально институционально-эволюционный подход к исследованию проблемы возникновения института собственности был изложен в известной работе Т. Веблена «Теория праздного класса». Согласно его теории, образованию института собственности предшествует «мирный» период социального развития, когда общество ведет преимущественно оседлый образ жизни, и наиболее полное проявление способностей отдельного человека может происходить, главным образом, в занятиях, направленных на поддержание жизни группы. Постепенно внутри первобытной группы возникает соперничество среди ее членов. Веблен отмечает, что такое экономическое соперничество будет касаться, главным образом, степени полезности членов общности в трудовой деятельности.

Вместе с распространением массовой охоты, а затем и войн происходит переход от «миролюбивой» стадии к стадии «хищничества». На смену миролюбивым формам соперничества приходит борьба, результаты которой все больше начинают цениться в обществе. Именно в это время и формируется институт собственности. В обществе все большую ценность начинают приобретать трофеи. Собственность в виде трофеев и другого имущества становится выражением доблести. Работа и труд вообще приобретают «характер нудного занятия в силу пренебрежительного к нему отношения». В связи с этими процессами происходит возникновение «праздного класса». Торстейн Веблен пишет: «В процессе эволюции культуры возникновение праздного класса совпадает с зарождением собственности» (Веблен, 1984. С. 73). Но для возникновения праздного класса недостаточно привычного пренебрежения работой. Для этого необходима трансформация традиции в институт собственности.

С образованием праздного класса и первоначальным расслоением общества возникает частная собственность. Веблен связывает образование этого института с борьбой за обладание имуществом. Обладание богатством наделяет человека почетом и уважением среди членов группы, но это также порождает зависть к собственнику, стремление достичь такого же благосостояния. «Мотив, лежащий в основе собственности, – соперничество; этот же мотив соперничества, на базе которого возникает институт собственности, остается действенным в дальнейшем развитии этого института

и в эволюции всех тех черт социальной структуры, к которым собственность имеет отношение» (Веблен, 1984. С. 75–76), – пишет Т. Веблен.

Постепенно начальная стадия приобретения собственности путем захвата сменяется стадией организации производства, зарождающегося на основе частной собственности. Теперь приобретения начинают цениться не как свидетельства успешного набега или захвата, а как свидетельства превосходства обладателя этих ценностей в силе над другими членами группы. По мере того, как хищническая деятельность сменяется производственной деятельностью, трофеи набегов, как общепризнанный показатель успеха и превосходства в силе, постепенно заменяются накапливаемой собственностью. С ростом налаженного производства обладание богатством приобретает силу в качестве привычной основы уважения и почета. Теперь, чтобы занять почетное положение в обществе, необходимо обладать собственностью. Веблен отмечает: «Чтобы сохранить свое доброе имя, каждый человек теперь обязательно должен накапливать и приобретать собственность» (Веблен, 1984. С. 78). Также стоит отметить, что с развитием института собственности богатство, полученное путем унаследования от родственников предков, становится даже более почетным, чем приобретенное собственными усилиями владельца.

Но человек постоянно делает новые приобретения, и достигнутый им новый уровень благосостояния становится для него привычным. Поэтому этот новый уровень благосостояния уже перестает приносить удовлетворение, следовательно, он становится отправным моментом для нового витка к увеличению богатства. Стремление к постоянному увеличению богатства и связанное с этим соперничество между собственниками, безусловно, является положительным моментом и сыграло не последнюю роль в развитии цивилизации. Вместе с тем, появление частных собственников связано и с расслоением общества, с возникновением класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых. Развивающиеся между ними противоречия постепенно сглаживаются эволюцией института частной собственности.

У Джона Коммонса понимание категории собственности вытекает из его трактовки институтов. Институт, согласно Коммонсу, это «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» (Коммонс, 2012. С. 69). В его трактовке собственность, благодаря, в первую очередь, правовым нормам и механизмам правоприменения, позволяет значительно расширить масштаб рыночных и нерыночных трансакций.

Поскольку экономические блага ограничены, их приобретение регулируется коллективным действием. Коллективное действие создает права и обязанности в отношении собственности и свобод, без которых в обществе царил бы анархия. Институциональная экономика дает коллективному действию собственное место в разрешении конфликтов и сохранении порядка в мире ограниченных ресурсов, частной собственности и противоречий (Коммонс, 1990. Р. 7).

Институциональный подход к собственности позволил пойти дальше от анализа распределения ограниченных ресурсов – к анализу действующих правил, определяющих возможности и параметры сделок. Согласно Коммонсу: «...изменения от механицизма к ограниченности ресурсов, а затем – к действующим нормам, рассматриваемым в качестве базовых принципов экономики, оказали сильнейшее влияние на концепцию собственности, изменяя эту концепцию от принципа исключительного владения физическим объектом для частного использования самим владельцем в принцип контроля над ограниченными ресурсами, в которых нуждаются другие для того, чтобы использовать их в своих интересах, и, таким образом, в концепцию нематериальной и невещественной собственности, возникающей исключительно на основании положений закона, контролирующего сделки» (Коммонс, 2011. С. 16).

Таким образом, институт собственности в традиции Коммонса неразрывно связан с действующими нормами¹ (working rules), существующими в хозяйственном порядке. В старой институциональной экономике понятие действующих норм является центральным для понимания экономических взаимодействий, которые могут быть сведены к трем видам трансакций: торга, управления и нормирования (рационирования) (Коммонс, 2012). «Характеристикой всех действующих норм является то, что они действительно регулируют те аспекты человеческого поведения, которые могут получать имена прав и свобод. Действующие нормы (правила) просто сообщают, что индивиды должны или не должны делать, что им позволено делать, а также что они могут или не могут делать, если властные органы, разрешающие споры, употребляют коллективную власть сообщества в отношении указанных индивидов» (Коммонс, 2011. С. 156).

¹ Как синоним используется также понятие «действующие правила».

Коммонс утверждал, что трактовка собственности в экономической науке должна базироваться на правотворчестве и правоприменении относительно разрешения хозяйственных споров в рамках существующей правовой системы². Решения судов изменяют действующие правила и, следовательно, это необходимо учитывать, рассматривая эволюцию института собственности в современном капиталистическом хозяйственном порядке.

В рамках институциональной экономической теории мы уходим от обыденного понимания собственности как физической вещи, разъясняя «всякий раз, что обозначаемое термином «собственность» есть способы использования, а не вещь» (Коммонс, 2011. С. 30). Поэтому Коммонс выделяет два типа собственности: неимущественную собственность и нематериальную собственность: «...в соответствии с обычаями и традициями предпринимательской деятельности имеется лишь два типа собственности, оба невидимые и поведенческие, поскольку их ценность зависит от ожидаемой деятельности на денежном и товарном рынках. Один из этих типов может быть технически определен как «неимущественная собственность», заключающаяся в долговых обязательствах, кредитах, облигациях, ипотеках – короче говоря, в обещаниях выплат. Второй может быть определен как «нематериальная собственность», заключающаяся в меновой ценности чего угодно, будь то вещественная собственность, неимущественная собственность и даже нематериальная собственность. Более короткое название для нематериальной собственности – активы. Активы – это ожидаемая меновая собственность чего угодно, будь то репутация, лошадь, дом, земля, способность к труду, гудвилл, патент, хорошая кредитная история, акции, облигации или банковские вклады; короче говоря, нематериальная собственность – это все то, что позволяет одному человеку получать прибыль от других – в процессах купли-продажи, заимствования и кредитования, приема на работу и увольнения, найма и сдачи в аренду, в рамках любой сделки современного бизнеса. Мы определим эти два класса собственности как «обременения» и «возможности». Обременения суть неимущественная собственность, т. е. обещания выплат, исполнение которых обеспечивает государственная власть; возможности суть нематериальная собственность, т. е. возможность выхода на рынки, которую также обеспечивает государственная власть» (Коммонс, 2011. С. 28–29).

Необходимо отметить, что существование и эффективное функционирование института собственности у Коммонса связывается с действием «видимой руки государства». Властные структуры должны использовать действующие нормы (правила) для поощрения кооперации в производстве и обмене, а также в решении множества серьезных проблем, возникших вследствие погони за собственной выгодой в результате экономических взаимодействий. Согласно Коммонсу, эти функции не возникают автоматически согласно «системе естественных свобод» Смита, но должны порождаться соответствующими стимулами, созданными «видимой рукой государства», и проводиться в жизнь с помощью различных санкций, включая угрозу физического насилия (Commons, 1990).

В трактовке собственности у Коммонса ключевое значение принадлежит отождествлению понятий собственности и свободы: «Переход от права собственности на потребительные ценности вещей к праву собственности на их меновые ценности есть изменение от физических вещей к действующему предприятию, и наиболее важным здесь является тот факт, что он объединяет собственность и свободу в некоем тождественном понятии. Собственность обозначает все то, что может быть продано или куплено, а поскольку свобода человека может быть продана или куплена, то она является активом и, соответственно, свобода есть собственность» (Коммонс, 2011. С. 32).

Институт собственности в старом институционализме трактуется в поведенческом контексте, причем именно собственность определяет будущее поведение и, следовательно, от ее соответствия существующим проблемам развития хозяйственного порядка зависит эффективность деятельности основных экономических акторов.

Функционирование института собственности может реализовываться в применении различных уровней экономической власти в ходе хозяйственной деятельности: «...свобода есть отсутствие ограничения, или принуждения, или обязанностей и эквивалентна употреблению власти (exercise of power) и выбору возможностей, которые она допускает. Но выбор возможностей является на самом деле не чем иным, как выбором между двумя уровнями власти... Следовательно, экономический эквивалент свободы – это свобода выбора между двумя уровнями власти над другими лицами. В некоторых случаях это властное измерение собственности привлекает большее внимание, не-

² В случае Коммонса это общее право (common law).

жели измерение, связанное с возможностями. Законы, регулирующие предприятия коммунального хозяйства, законы против ростовщичества и трудовое законодательство были направлены на обуздание рыночной власти собственности в тех случаях, когда она кажется избыточной» (*Коммонс, 2011. С. 39*).

В отличие от господства одной формы частной собственности в глубоко дифференцированных классовых обществах в полиформичных обществах современной цивилизации, частная собственность неоднородна. Это обостряет проблему распределения прав собственности особенно тогда, когда объектом собственности владеют несколько лиц. С другой стороны, понятие «частная собственность» иногда используется в экономической литературе как нечто устаревшее и поэтому непригодное для исследования современных экономических явлений. Примером этому могут служить работы Джона Кеннета Гэлбрейта.

В своей книге «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт приходит к выводу, что в индустриальной системе власть от частных собственников капитала переходит к управляющим или «техноструктуре». В индустриальном обществе предприниматель, который имеет возможность свободно распоряжаться капиталом (т. е. классический частный собственник), – «исчезающая фигура». По его мнению, власть в обществе перешла ныне не к отдельным личностям, а к организациям. Современное экономическое общество может быть понято лишь как синтез групповой индивидуальности, вполне успешно осуществленный организацией. Этот процесс, по Гэлбрейту, обусловлен тремя объективными причинами:

1. Технологическими потребностями современной промышленности. «Подлинное достижение современной науки и техники состоит в том, что знания самых обыкновенных людей, имеющих узкую и глубокую подготовку, в рамках и с помощью соответствующей организации объединяются со знаниями других, специально подготовленных, но таких же рядовых людей» (*Гэлбрейт, 1969. С. 102*).

2. Необходимостью объединения специальных знаний, которая определяется прогрессом техники, связанным с ним использованием капитала и вытекающей отсюда потребностью в планировании, предполагающем установление контроля над внешними условиями производства. Это положение Гэлбрейт обосновывает следующим образом: «Производитель ракет, космической техники или современных самолетов должен предвидеть, какие ему понадобятся специализированные заводы, специализированная рабочая сила, необычные материалы и сложные комплектующие изделия, а также принимать меры, чтобы обеспечить их наличие в тот момент, когда они потребуются... Рынок не может обеспечить всего этого или же не надежен в этом отношении» (*Гэлбрейт, 1969. С. 103*).

3. Третья причина состоит в том, что из потребности в разнообразных специализированных знаниях вытекает необходимость их координации. «Знания должны быть использованы в соответствии с общей целью» (*Гэлбрейт, 1969. С. 104*).

Исходя из вышеизложенных предпосылок, Гэлбрейт делает вывод о неизбежности перехода власти от частных собственников капитала к техноструктуре. Иллюстрацией этого процесса можно считать переход к отдельным элементам макроэкономического планирования во многих странах Запада в 60–80-е гг. XX в. Действительно, при трансформации классической капиталистической системы в различного рода «социально-ориентированные» порядки власть отдельных индивидуумов, частных собственников над средствами производства переходит к корпорациям, «общественным комитетам», государству в лице правительства и трудовым коллективам.

Новая институциональная экономика

В рамках неинституционализма пионерные работы А. Алчиана (*Alchian, 1965. P. 816–829; Алчиан, 2004. С. 714–723*), Р. Коуза (*Коуз, 1993*), С. Пейовича (*Pejovich, 1990*), Р. Познера (*Познер, 2004*), Г. Демсеца (*Demsetz, 1967. P. 347–59; Demsetz, Villalonga, 2001. P. 209–233*), Э. Остром (*Ostrom, 2005*) сформировали устойчивую традицию исследования феномена прав собственности наряду с проблемами минимизации транзакционных издержек, обмена и эффективности различных режимов собственности.

Приведем одно из самых распространенных в неинституциональной экономической теории определений: «Права собственности понимаются как санкционированные поведенческие отношения между людьми, которые возникают в связи с существованием благ и касаются их использования. Эти отношения определяют нормы поведения по поводу благ, которые любое лицо должно

соблюдать в своих взаимодействиях с другими людьми или же нести издержки из-за их несоблюдения» (*Furuboth, Pejovich, 1974. P. 3 [цит. по: Капелюшников, 1990. С. 8]*).

В приведенном определении одной из важнейших является фраза о «поведенческих отношениях между людьми». В неоинституциональной экономической теории эффективность функционирования института собственности связывается с двумя ключевыми условиями: 1) четкая спецификация прав собственности; 2) снижение трансакционных издержек. Поведенческие же отношения, более того, особенности восприятия информации при принятии решений не часто анализируются в связи с исследованиями института собственности.

Собственность создает стимулы. Чем совершеннее институты собственности, тем все более и более стимулы способствуют хозяйственному сотрудничеству и экономическому росту. Стимулы определяют модели экономического поведения, которые позволяют использовать преимущества децентрализованного, спонтанного рыночного обмена. Однако психологические особенности восприятия информации, склонность (несклонность) к риску и влияние институтов, а также поведенческих паттернов и фреймов также должны учитываться при анализе эволюции и функционировании института собственности.

Экономисты недооценивают психологическую и поведенческую составляющие при анализе института собственности. Важность исследования психологии собственности отмечал известный социолог и историк Р. Пайпс: «по состоянию на 1980 год почти не велось эмпирические исследования и систематические теоретические работы по психологии собственности – об истоках и развитии этого чувства» (*Pipes, 1996 [цит. по: Бетелл, 2008. С. 18]*). Именно усложнение пучков собственности и механизмов контроля дает пищу для размышлений относительно поведенческих моделей акторов, связанных с управлением и обменом пучками собственности.

Искажения в восприятии прав собственности при функционировании института собственности в современном глобализирующемся мире могут приводить к психологическим искажениям³ при принятии хозяйственных решений. Как показали Д. Канеман и А. Тверски, принятие решений в условиях неопределенности должно основываться на учете психологических факторов (*Tversky, Kahneman, 1974. Pp. 1124–1131*). Например, «неправильные представления о регрессии»⁴ (как проявление регресса к среднему), «иллюзия валидности»⁵ и «иллюзорная взаимосвязь»⁶ могут приводить к нерелевантной оценке обществом тех стимулов, которые дает частная (индивидуализированная собственность) в условиях современной экономики, где большая роль принадлежит государственному регулированию хозяйственных процессов.

Теорема Коуза предполагает, что собственник может четко оценить выгоды от использования собственности и вступить в обмен, если выгоды от продажи собственности выше, чем от ее использования. Но можно задаться вопросом, может ли собственник в современных условиях четко определить границы своего права собственности, и создают ли права собственности однозначные стимулы для экономических действий? Наша гипотеза заключается в том, что индивиды, являющиеся собственниками (что в принципе лежит в основе индивидуализированной собственности) вследствие фундаментальной неопределенности и сложности экономического порядка, а также несовершенства институциональной структуры и механизмов восприятия информации, могут не получать соответствующих стимулов, которые необходимы для эффективного рыночного использования объектов собственности. Иными словами, собственность и мотивация собственников должны согласовываться с особенностями интерпретации информации при выработке стратегий экономического поведения. Здесь очень важными представляются результаты современной поведенческой теории, которые необходимо адаптировать к достижениям и экономической теории прав собственности.

Неверное понимание стимулов и, следовательно, поведенческих моделей, связанных с функционированием института частной (индивидуализированной) собственности, может приводить к выработке и применению субоптимальных или вовсе неэффективных и даже разрушительных мер

³ По сравнению со стандартными моделями принятия решений в условиях доступности информации и реализации принципа максимизации.

⁴ Что ведет к переоценке отрицательных стимулов (наказаний) по сравнению с положительными стимулами.

⁵ Под иллюзией валидности понимается ситуация избыточности входных данных, которая уменьшает точность прогноза при принятии решений в условиях неопределенности. Данный психологический эффект влияет на переоценку действенности мер государственного регулирования, заключающегося в рационализации механизмов распределения и перераспределения прав собственности.

⁶ Неправильное предубеждение в оценке частоты, с которой два события произойдут одновременно.

экономической политики (*Letiche, 2006. P. 775–796*). Вместо института частной собственности в обществе могут формироваться симулякры, дезориентирующие общественное восприятие важных закономерностей институциональной структуры хозяйственного порядка.

Одна из главных идей, на которой базируется частная собственность, – это ее транспарентность. Собственность только тогда становится собственностью, когда общество признает законными и обоснованными права на тот или иной объект. Современная структура прав собственности характеризуется не только и не столько размытостью, а закрытостью для четкой идентификации субъектов собственности. Это относится, прежде всего, к собственности крупных и средних предпринимателей, так или иначе связанных с властными структурами. Особенно актуальна проблема транспарентности собственности для стран с формирующейся рыночной экономикой.

Сложность экономических механизмов контроля (как, впрочем, и ухода от контроля за собственностью) сильно возросла по сравнению с началом XX в. Одной из значимых причин усложнения институтов собственности является глобализация экономики. В современном мире существуют институты, которые создают препятствия для формирования прозрачной и четкой структуры собственности. Таким институтом являются офшоры. Использование схем оптимизации налогообложения с использованием офшорных компаний приводит к регистрации фирм и финансовых организаций с непрозрачной структурой собственности. Непрозрачность собственности офшорных компаний может приводить к стимулам для оппортунистического поведения лиц, контролирующих через офшоры бизнес в других странах.

Важной проблемой при анализе института собственности является использование ресурсов, находящихся в коллективной (коммунальной) собственности. Данной проблеме посвящено множество научной литературы, суть которой можно свести к двум тезисам. Во-первых, решение проблемы использования коллективной собственности может быть получено путем приватизации различных пучков правомочий, т. е. переводом части (или) всей коллективной собственности в режим частной (индивидуализированной). Во-вторых, общины, использующие коллективную (коммунальную) собственность, могут выработать правила, которые способствуют регулированию доступа к использованию редких ресурсов. Такие правила формируются эволюционно и позволяют предотвратить ситуацию «трагедии общин» при использовании ресурсов, находящихся в коллективной собственности. Значимым вопросом при анализе данных ситуаций является вопрос о стимулах и долгосрочной мотивации, а также инструментах регулирования, связанных с использованием частной собственности в общественных интересах.

Формализация права частной собственности не означает, что этот институт собственности на тот или иной актив будет демонстрировать большую эффективность, чем иные формы, например, коллективной или государственной собственности. Важной иллюстрацией данного, на первый взгляд, парадокса может служить пример относительно неэффективного функционирования института земельной собственности сельскохозяйственного назначения в постсоветских странах (*Ноа, Spoorb, 2006. P. 580–587*).

Экономисты и праведы часто забывают, что преимущества частной собственности в создании созидательных стимулов для ее использования могут реализовываться только в конкурентных рыночных условиях и связаны с обменом и стабильностью прав. Однако в последние десятилетия стала актуальной как для развитых, так и для развивающихся стран экономическая политика нового феодализма (*Бетелл, 2008. С. 397–419*) или нового меркантилизма⁷. Главным отличием нового феодализма и меркантилизма от традиционных является то, что, если ранее решение об изъятии и наделении собственностью принимал монарх или феодал, то в настоящее время такой привилегией пользуются политики посредством демократических и квазидемократических процедур, эксплуатирующие идеи «общественных интересов» в своих целях. Таким образом, важнейшая характеристика частной собственности – стабильность – постепенно размывается и перестает быть незыблемой в общественном мнении.

Формирование эффективных (неэффективных) институтов связано с действиями групп специальных интересов (*Олсон, 1998; Олсон, 1995; Olson, 1995*). Именно эволюционный отбор групп интересов обуславливает доминирование тех или иных институтов в исторической пер-

⁷ Термин новый меркантилизм, или неомеркантилизм был предложен Э. де Сото для описания ситуации неэффективного государственного регулирования в развивающихся латиноамериканских странах (*Де Сото, 1995; Де Сото, 2001*). Политика неомеркантилизма также характерна для значительного числа постсоветских стран, что во многом определяет феномен развития и доминирования института власти-собственности (*Вольчик, 2005; Вольчик, 2006. С. 877–882; Бережной, Вольчик, 2008*).

спективе (Вольчик, 2004. С. 55–68). Социальный склероз и действия групп специальных интересов связаны с такой важной тенденцией, как доминирование в постсоциалистических и развивающихся странах института власти-собственности. Одним из интереснейших проявлений власти-собственности в современной российской экономике является пример использования и приватизации муниципальной собственности. Доходы, которые получают местные группы специальных интересов от дискреционного распоряжения муниципальной собственностью, могут сравниться только с доходами от использования богатейших природных ресурсов, таких как нефть и газ.

Современные проблемы в исследованиях собственности

Процессы, протекающие в современной экономике, особенно в период участившихся системных кризисов, могут быть объяснены, в частности, дисфункциями эволюционирующих институтов собственности. И здесь важно не просто концентрировать внимание на спецификации и защите прав собственности и снижении транзакционных издержек при их обмене, а рассматривать эволюцию собственности в более широком контексте социальных ценностей, культуры и коллективного действия.

Современная эволюция института собственности связана с усилением следующих эффектов:

1. Сложностью механизмов контроля.
2. Деперсонификацией собственников (формированием нетранспарентной структуры собственности).
3. Поведенческими искажениями при восприятии стимулов частной собственности.
4. Усилением государственного регулирования и рационализации.
5. Доминированием института власти-собственности.

Обычно эффективная частная собственность связывается с демократической формой организации политической жизни общества и рыночной экономикой. Однако экономическая история дает пищу для размышлений, когда автократические и диктаторские режимы способствуют формированию устойчивых и относительно эффективных прав частной собственности (Olson, 2000. P. 40–43). Тем не менее, серьезными проблемами таких режимов являются стабильность и социальный склероз⁸, что, впрочем, может быть отнесено и на счет демократических режимов, но в иных институциональных контекстах.

Теоретические исследования института собственности не должны игнорировать комбинации социальных ценностей, сложившихся в том или ином хозяйственном порядке, и культурный контекст. Например, тот факт, что церемониальные ценности имеют доминантный характер (Bush, 1987. P. 1075–1116) в эволюционной перспективе, заставляет глубже изучать характер государственной политики. И, хотя институт собственности формируется эволюционно, государственная политика остается важнейшим фактором, определяющим долгосрочную траекторию развития. Блокировка на неэффективных поведенческих паттернах, связанных с институтом собственности, зачастую также зависит от неверной экономической политики государства.

В эмпирических исследованиях важно концентрировать внимание на конкретных действующих правилах, детерминируемых структурой собственности действующих предприятий. Большую роль в этом контексте играют конкретные национальные особенности правовой системы, механизмов правоприменения и разрешения споров.

ЛИТЕРАТУРА

Алчиан А. (2004). Права собственности / В кн.: Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П. (ред.) (2004). Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, с. 714–723.

Бережной И.В., Вольчик В.В. (2008). Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 239с.

Беттелл Т. (2008). Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008.

Веблен Т. (1984). Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс.

Вольчик В.В. (2004). Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 2, № 2, с. 55–68.

⁸ О проблеме социального склероза в социалистических и рыночных системах см.: (Олсон, 1995. С. 53–81; Olson, 1995. P. 22–27).

- Вольчик В.В. (2005). Природа меркантилистической экономики и институт власти-собственности // *Экономический Вестник Ростовского государственного университета*, т. 3, № 2.
- Вольчик В.В. (2006). Современный меркантилизм как устойчивый тип неэффективной рыночной экономики // *Экономическая теория: истоки и перспективы*. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, с. 877–882.
- Вольчик В.В. (2013). Принципы делиберативной демократии для решения проблем в экономической теории // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 5, № 2.
- Гэлбрейт Дж.К. (1969). Новое индустриальное общество. М.
- Де Сото Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.
- Де Сото Э. (2001). Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.
- Жувенель Б. (1995). Этика перераспределения. М.
- Капелюшников Р.И. (1990). Экономическая теория прав собственности. М.
- Коммонс Дж. (2011). Правовые основания капитализма. М.: Издательский дом высшей школы экономики.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *Terra Economicus*, т. 10, № 3, с. 69–76. Доступно на: <http://ecsosman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>.
- Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. М.
- Локк Дж. (1988). Сочинения, т. 3. М.
- Маркс К. (1955–1981). Капитал / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. (1955–1981). Сочинения*, т. 23. М.: Госполитиздат.
- Олсон М. (1995). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.
- Олсон М. (1995). Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // *Экономика и математические методы*, т. 31, вып. 4.
- Олсон М. (1998). Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск.
- Познер Р. (2004). Экономический анализ права. СПб: Экономическая школа, СПбГУЭФ, ГУ–ВШЭ.
- Сухарев О.С. (2013). Институциональный анализ в исследовании экономических изменений: принципы, допущения, ограничения // *Экономический анализ: теория и практика*, № 33.
- Юм Д. (1995). Трактат о человеческой природе, т. 2. М.
- Alchian A.A. (1965). Some economics of property rights // *Il Politico*, no. 30, pp. 816–829.
- Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, № 3, pp. 1075–1116.
- Demsetz H. (1967). Towards a theory of property rights // *American Economic Review*, no. 57, pp. 347–59.
- Demsetz H., Villalonga B. (2001). Ownership structure and corporate performance // *Journal of Corporate Finance*, vol. 7, issue 3, pp. 209–233.
- Furuboth E.G., Pejovich S. (eds.) (1974). The economics of property rights. Cambridge (op. cit: *Капелюшников, 1990. P. 8*).
- Hoа P., Spoorb M. (2006). Whose land? The political economy of land titling in transitional economies // *Land Use Policy*, vol. 23, pp. 580–587.
- Letiche J.M. (2006). Positive economic incentives: New behavioral economics and successful economic transitions // *Journal of Asian Economics*, vol. 17, pp. 775–796.
- Olson M.Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *American Economic Review*, v. 85, № 2, pp. 22–27.
- Olson M. (2000). Power and prosperity: outgrowing communist and capitalist dictatorships. NY: Basic Books.
- Ostrom E. (2005). Understanding Institutional Diversity. Princeton University Press.
- Pejovich S. (1990). The Economics of Property Rights: Towards a Theory of Comparative Systems. London: Kluwer Academic.
- Pipes R. (1996). Human Nature and the Fall of Communism // *Bulletin of the American Academy of Arts and Science*, vol. 49, no. 48 (op. cit: *Bethell, 2008. P. 18*).
- Tversky A., Kahneman D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*, vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131.

REFERENCES

- Alchian A. (2004). Property rights / In *Eatwell J., Milgate M. and Newman P. (eds.) (2004). Economic theory*. Moscow: INFRA-M Publ., pp. 714–723. (In Russian.)
- Berezhnoy I.V. and Volchik V.V. (2008). Research of the economic evolution of the power-property institute. Moscow: UNITY-DANA Publ., 239 p. (In Russian.)
- Bethell T. (2008). Property and prosperity. Moscow: IRISEN (In Russian.)
- Coase R.H. (1993). The Firm, the Market, and the Law. Moscow. (In Russian.)
- Commons J.R. (2011). Legal Foundations of Capitalism. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 416 p. (In Russian.)
- Commons J.R. (2012). Institutional Economics. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 3, pp. 69–76. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2012/journal10.3.1.pdf>. (In Russian.)
- De Soto H. (1995). The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. Moscow. (In Russian.)
- De Soto H. (2001). The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. Moscow. (In Russian.)
- Galbraith J.K. (1969). New Industrial State. Moscow. (In Russian.)
- Hume D. (1995). A Treatise of Human Nature, vol. 2. Moscow. (In Russian.)
- Jouvenel B. (1995). The Ethics of Redistribution. Moscow. (In Russian.)
- Kapelyushnikov R.I. (1990). Economy theory of property rights. Moscow. (In Russian.)
- Locke J. (1988). Works, vol. 3. Moscow. (In Russian.)
- Marx K. (1955–1981). Capital / In: *Marx K. and Engels F. (1955–1981). Works*, vol. 23. Moscow. (In Russian.)
- Olson M. (1995). Devolution of power and society in a transitional period. Remedies to corruption, economic decline and deceleration of economic growth. *Economics and Mathematical Methods (Ekonomika i matematicheskie metody)*, vol. 31, issue. 4. (In Russian.)
- Olson M. (1995). The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Moscow. (In Russian.)
- Olson M. (1998). The Rise and Decline of Nations. Economic Growth, Stagflation, Social Sclerosis. Novosibirsk. (In Russian.)
- Posner R. (2004). Economic Analysis of Law. Saint-Petersburg: The School of Economics Publ., Saint-Petersburg State University of Economics Publ., Publishing House of Higher School of Economics. (In Russian.)
- Sukharev O.S. (2013). Institutional analysis in research of economic change: principles, assumptions, limitations. *Economic analysis: theory and practice*, no. 33. (In Russian.)
- Veblen T. (1984). The Theory of Leisure Class. An Economic Study of Institutions. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2004). Neutral markets, nonneutral institutes and economic evolution. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 2, № 2, pp. 55–68. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2005). The essence of mercantilistic economy and power-property institute. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 3, № 2, pp. 73–82. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2006). Modern mercantilism as a stable type of inefficient market economy. *Economic theory: origins and prospects*. Moscow: Economic Faculty of Moscow State University, TEIS, 2006, pp. 877–882. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2013). The principles of deliberative democracy to solve problems in economic theory. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2. (In Russian.)
- Alchian A.A. (1965). Some economics of property rights. *Il Politico*, no. 30, pp. 816–829.
- Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.
- Demsetz H. (1967). Towards a theory of property rights. *American Economic Review*, no. 57, pp. 347–59.
- Demsetz H. and Villalonga B. (2001). Ownership structure and corporate performance. *Journal of Corporate Finance*, vol. 7, issue 3, pp. 209–233.
- Furuboth E.G. and Pejovich S. (eds.) (1974). The economics of property rights. Cambridge (op. cit: *Kapelyushnikov, 1990. P. 8*).
- Hoa P. and Spoorb M. (2006). Whose land? The political economy of land titling in transitional economies. *Land Use Policy*, vol. 23, pp. 580–587.
- Letiche J.M. (2006). Positive economic incentives: New behavioral economics and successful economic transitions. *Journal of Asian Economics*, vol. 17, pp. 775–796.

Olson M. (2000). *Power and prosperity: outgrowing communist and capitalist dictatorships*. NY: Basic Books.

Olson M.Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies. *American Economic Review*, v. 85, no. 2, pp. 22–27.

Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton University Press.

Pejovich S. (1990). *The Economics of Property Rights: Towards a Theory of Comparative Systems*. London: Kluwer Academic.

Pipes R. (1996). Human Nature and the Fall of Communism. *Bulletin of the American Academy of Arts and Science*, vol. 49, no. 48 (op. cit: *Bethell, 2008. P. 18*).

Tversky A. and Kahneman D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131.